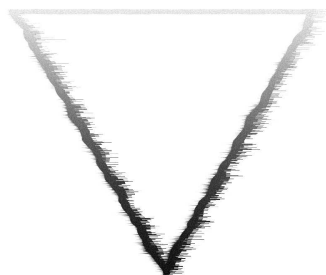


МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**
ЛЕНЫ ОБУХОВОЙ»:

ЦИКЛ
«ЛОЖНЫЕ БОГИ»
НЕВЕСТА СМЕРТИ
ПРИШЕДШАЯ С ТУМАНОМ
ИЗБРАННАЯ СТРАЖЕМ

ЦИКЛ
«НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА»
НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА. ШЕПОТ ВЕТРА
НАГРАДА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА. КРАСНЫЕ ПЕСКИ

ЦИКЛ
«АКАДЕМИИ СОДРУЖЕСТВА»
АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ. НАПАРНИЦА ДРАКОНА
АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ. ИЗБРАННИЦА ДРАКОНА
АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ. ТАЙНА РЕКТОРА

Лена ОБУХОВА

АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ
ТАЙНА
РЕКТОРА



МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на переплете *Натальи Афанасьевой*

Обухова, Елена Александровна.

О-26 Академия Горгулий. Тайна ректора / Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Магические романы Лены Обуховой).

ISBN 978-5-04-196302-6

У Энгарда Колта не так много счастливых воспоминаний, но в последнее время все шло хорошо: к нему вернулась дочь, которую когда-то он был вынужден оставить, а будущий зять — влиятельный дракон лорд Ардем — назначил его ректором Академии Горгулий. Однако тайна, которую Колт хранит, способна разрушить не только его жизнь, но и жизни всех его близких, а зло, притаившееся в мертвых землях, не смирилось с поражением и ждет возможности нанести новый удар.

С появлением в академии Рамины Блор, нового директора, тайное становится явным. В ее власти погубить Колта. В его силах уничтожить любую угрозу. Суждено ли им стать врагами? Или у судьбы на них другие планы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196302-6

© Обухова Е., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Энгард Колт жил в Замке Горгулий уже без малого одиннадцать лет и каждый год с волнением, страхом и долей обреченности ждал наступления весны. Того периода, когда рассвет совпадал со временем его пробуждения.

Обычно это происходило в апреле. Он просыпался с утренней зарей и сразу чувствовал *ее* присутствие. *Она* всегда сидела на узком подоконнике с той стороны комнаты, где за окном из-за горизонта готовилось появиться солнце. Кровать стояла так, что Колт видел то окно краем глаза, если лежал на спине и смотрел в потолок. Туда он обычно и старался смотреть, потому что смотреть на Лелю было невыносимо.

Она была все такой же, какой он встретил ее больше двадцати лет назад и какой запомнил: высокой, худощавой, со светло-русыми волосами до плеч. Вот только такого платья из легкой тонкой ткани у Лели никогда не было. Она вообще редко носила платья.

— Я уж думала, ты сегодня не проснешься до восхода, — с укоризной произнесла Леля, стоило ему осознать, что он уже не спит.

Колт и глаз еще не успел открыть, но ей это не было нужно: она и так всегда знала, бодрствует он или нет. Обычно даже не смотрела в его сторону, предпочитая пялиться в окно.

С ней не стоило разговаривать, Колт прекрасно знал об этом: с мертвыми говорить опасно. Следовало просто игнорировать, а лучше встать и отправиться в душ, ведь туда она никогда за ним не шла. Вероятно, вообще не могла покинуть подоконник и подойти.

И все же каждый раз он отвечал, не в силах устоять перед соблазном.

— Стоило проснуться намного раньше, — голос со сна прозвучал хрипло. — Тебя давно не было.

— Я могу приходить только в это время, ты же знаешь.

— Знаю.

— Ты скучал? — в ее интонации послышалась игривая улыбка.

— Я всегда по тебе скучаю, — признал Колт, упрямо глядя в темный потолок и держа утреннюю гостью в зоне бокового зрения. — Тебе это прекрасно известно. Иначе ты не приходила бы.

— Мне показалось, что с приездом Ники все изменилось, — грустно заметила Леля.

— Она тебя не заменит. Тебя никто не заменит. Но да, с ней теперь немного легче.

— *Намного* легче, — поправила она. — Ты стал другим.

— Разве?

— Я чувствую это. Наша связь тает. Настанет день — и я больше не смогу прийти.

Он промолчал. Разум требовал сказать: «Жду с нетерпением этого момента». Сердце кричало: «Только не это! Ты нужна мне хотя бы такой...» Поэтому Колт промолчал, лишь попытался сглотнуть, но в горле пересохло.

— Она так выросла, — продолжила Леля с нежностью, словно и не заметив его борьбы с самим собой. — Я помню ее совсем крошкой. Но она и тогда была больше похожа на тебя...

— Неправда, — перебил Колт. — Черты лица у нее твои. От меня лишь глаза и волосы.

— И характер!

Он не выдержал и рассмеялся. Лелин смех вторил ему, звучал трелью колокольчика.

— И все же она умница и красавица, правда, Энгарт? У нас прекрасная дочь. Мне жаль, что я не могу быть с вами.

— Мне тоже, — голос предательски дрогнул, и Колт сделал глубокий вдох, чтобы взять себя в руки. — И ей.

— Не будь ты таким упрямым, мог бы меня вернуть, — обиженно произнес призрак. — Все, что нужно, у тебя под боком.

Он закрыл глаза и снова тяжело сглотнул, качая головой.

— Увы, я не могу. Тебя здесь нет. Ты лишь уловка мертвых земель. Ложь магии смерти, ее дурманящий шепот.

Ответа не последовало. Когда Колт открыл глаза, подоконник уже пустовал. Солнце показалось из-за горизонта, время призрачных наваждений прошло. Настало время встать и встретить новый день.

Он вылез из-под одеяла, игнорируя холод, всегда наполнявший комнату на рассвете. Растер ладонями лицо, еще раз взглянул на подоконник, но Леля не могла вернуться до следующего утра. И она будет возвращаться несколько дней, пока время рассвета не сместится на более ранний час, в который Колт будет еще спать. Наваждение вернется в августе, когда день пойдет на убыль, а в следующем году все повторится. Мертвые земли стучали в его брешь все это время и не остановятся, пока он жив. Или пока он здесь.

Впрочем, Колт уже привык. На его счастье, он поселился в Замке Горгулий, когда раны от потери немного затянулись, а сам он повзрослел и достаточно много узнал, чтобы держать себя в руках.

С настоящей Лелей судьба свела его, когда Колт был еще совсем молод: ему тогда едва исполнилось двадцать три года. Вообще-то, в первый раз она представилась Ольгой, но все вокруг звали ее исключительно Лелей, и он тоже привык так называть.

В его мире тогда шла война с некромантами, и Колт, как и прочие воины-горгульи, защищал земли Содружества от легионов смерти. Однажды, отбившись от своих, он был ранен и пытался уйти от преследовавшего его отряда мертвецов. С ними шел некромант, поэтому шансов спастись было мало, но жажда жизни заставляла пытаться до последнего.

Колт хотел найти укрытие в пещере, тянувшейся внутри горы, словно созданный кем-то тоннель. Судя по отсутствию света впереди, второго выхода пещера не имела, и с каждым шагом он все дальше забирался в ловушку, но продолжал идти. Мертвецы следовали за ним по пятам.

Тогда он так и не понял, что произошло, как ему удалось открыть проход, но так или иначе, а Колт оказался в другом мире. На *изнанке* мира, как это называли. Свет впереди вдруг все-таки забрезжил, и он вышел из тоннеля, через который когда-то давно были проложены железнодорожные пути. Так ему потом объяснили. Впрочем, он и сейчас слабо себе представлял, что такое «железная дорога», хотя и видел картинки.

Но в тот день он еще ничего этого не знал. Просто понял, что преследователи отстали, увидел людей в странной одежде и рухнул в обморок, истощенный кровопотерей. Ему очень повезло: незнакомцы не бросили его умирать, испугавшись ран и грозного вида, а забрали с собой и спрятали в каком-то деревенском доме. Леля не отходила от него несколько дней, а один из ее друзей — студент-лекарь — оказал всю необходимую помощь, какую мог дать мир без магии.

Колт влюбился, кажется, в тот же момент, как открыл глаза и впервые сфокусировал взгляд на склонившейся над ним девушке, но в тот раз ушел обратно в свой мир, лишь поцеловав ее на прощание. Что он мог предложить? Отчий дом к тому времени был разрушен, а война грозила уничтожить не только его самого, но и весь истинный мир.

Однако спорить с судьбой — дело безнадежное. И если она свела двоих, родившихся в разных мирах, то уже не даст им уйти друг от друга. Спустя время Колт вернулся к тому тоннелю и снова нашел Лелю, а та ждала, и ей не нужно было ничего, кроме него самого.

Так начались их отношения, продлившиеся чуть больше четырех лет, но вместе они провели не больше года. У них родилась дочь Вероника, но беременность словно что-то сломала в организме Лели. А может быть, дремавшая в ее теле болезнь проснулась бы в любом случае. Так или иначе, а после третьего дня рождения Ники Леля умерла. Война продлилась еще почти два года.

Колт никогда не рассматривал возможность поселиться в мире возлюбленной, с ней и их ребенком, оставив позади гибнущее Содружество, в котором родился, и безнадежную, разрушительную войну. Ему не приходило это в голову, его служба и долг просто существовали, являясь частью объективной реальности, и их нельзя было отбросить в сторону. Леля никогда об этом и не просила. Она ждала. Ждала и не смогла дожждаться.

С ним навсегда осталось только чувство вины. Поэтому вот уже одиннадцатый год он видит ее призрак по утрам, говорит с ним, как с живым человеком, хотя прекрасно знает, что это лишь иллюзия, созданная его воспоминаниями и магией смерти. Для него это своего рода наркотик: приносит краткосрочное облегчение и в то же время губит.

До начала занятий было еще далеко, но расслаживаться Колт не стал — не для того просыпался в замке одним из первых. Встал с кровати и сразу сделал несколько движений, разминая мышцы и разгоняя кровь. Прожитые годы и старые раны давали о себе знать: в теле уже не было прежней легкости и гибкости, всегда где-то ныло или тянуло, да и недавно раздавленная рухнувшей стеной нога все еще болела,

а по утрам особенно сильно. Но он знал, как с этим справляться. И старался держать себя в форме. В конце концов, даже дочь сказала, что он еще *не так уж стар*.

За легкой разминкой последовал привычный завтрак в полном одиночестве. В это время суток никто не мог составить ему компанию за столом: и бывшая жена, и дочь еще сладко спали. Обычно некоторое время после еды он тратил на обход замковой стены и общение со стражей: узнавал, не заметил ли кто ночью чего-то подозрительного. Но сегодня предпочел заглянуть в личную библиотеку и полистать альбомы.

Леля стала мастерить их после рождения дочери, собирая фотографии, сделанные во время его визитов и между ними. Это чудо стало для Колта еще одним открытием: в истинном мире подобного не существовало. Но всю ценность альбомов и снимков он почувствовал только тогда, когда Лели не стало, а он оказался разлучен с Никой на долгие годы.

Теперь Колт уже не понимал, как мог оставить дочь в другом мире с дядей и тетей, но тогда это решение казалось правильным. Ника его едва знала и, увидев, испугалась, а он сам был раздавлен войной и потерями. Казалось, он просто не в состоянии дать маленькой девочке достаточно любви, хотя любил ее с того момента, как узнал о том, что она должна появиться на свет. Колт позволил Глебу, брату Лели, убедить себя оставить дочь с ним и его женой. И надо отдать ему должное: все эти годы он прекрасно заботился о Нике, отдав ей в своем сердце все то место, что раньше занимала сестра.

Дочь и сейчас к нему очень привязана. В зимние каникулы даже навещала дядю и тетю вместе с новоявленным женихом — знакомила. И хотя Колт в какой-то степени ревновал — самую малость! — этой поездке не препятствовал. И не собирался в дальнейшем препятствовать их общению. Теперь он знал наверняка, что дочь останется с ним в истинном мире. И это делало его по-настоящему счастливым. Возможно, впервые в жизни.

Как бы ни хотелось остаться в библиотеке на пару часов, рассматривая снимки и погружаясь в сладко-горькие воспоминания, пришлось ограничить себя. Перед началом занятий его еще ждали тренировка и работа с документами. Опыт показывал, что днем времени на это может и не хватить.

Но все же эти несколько минут помогли прогнать из груди холод, всегда появлявшийся после общения с наваждением, и набраться сил для нового рабочего дня.

И, как оказалось, силы эти были Колту очень даже нужны.

Глава 2

Неладное Колт почувствовал, еще спускаясь по лестнице на этаж, где находился его кабинет. В их семейной башне всегда было довольно тихо, потому что жили здесь только трое: он сам, его бывшая жена Мелиса и Ника. Последняя к тому же частенько норовила сбежать на ночь в апартаменты жениха. Колт старательно закрывал на это глаза, делая вид, что ничего такого даже не подозревает. Но и когда дочь ночевала у себя, она никогда не вставала так рано. И уж тем более не спускалась в его кабинет. Мелиса тоже не имела привычки шуршать там в его отсутствие.

Однако этим утром в кабинете определенно кто-то находился. Дверь была приоткрыта, поэтому еще на лестнице он услышал, как шелестят бумаги и стучат по каменному полу каблучки. Колту показалось, что этот кто-то еще и беззаботно мурлычет себе под нос незнакомую ему мелодию. Все это было настолько дико и нереально, что впору заподозрить чрезмерно реалистичный сон.

Ощущение это усугубилось, когда Колт добрался до кабинета, распахнул дверь и шагнул внутрь. Он так и остался стоять у самого порога, растерянно глядя на

незнакомку, по непостижимой причине хозяйничающую в помещении.

Это определено была не студентка: слишком взрослая, по возрасту, пожалуй, ближе к Мелисе. Но если кого-то из студенток он теоретически мог и не помнить, то всех преподавателей прекрасно знал, а эту женщину видел впервые. Впрочем, никто из его преподавателей все равно не стал бы ходить по его кабинету, доставать из шкафов папки с документами и журналы и беззастенчиво их листать.

Наконец заметив его, незнакомка замерла у стола, прижимая к груди очередную папку, улыбнулась и без тени смущения поздоровалась:

— Доброе утро, ректор Колт.

Это ясно свидетельствовало о том, что она не считает себя застигнутой врасплох или пойманной на чем-то противозаконном или по меньшей мере дурном. Нет, женщина считала себя вправе находиться здесь и делать то, что она делала.

Это несколько выбило почву у него из-под ног. Давно Колт не сталкивался с подобным хамством.

Но ему все-таки удалось совладать с собой. Скрестив руки на груди и грозно нахмурившись, он мрачно отозвался:

— Доброе, если вы так считаете. Могу я узнать, кто вы и что делаете в моем кабинете?

Изящные брови удивленно приподнялись над серыми глазами, на лице отразилось легкое замешательство, но не смущение и не чувство вины.

— Меня зовут Рамина Блор, я новый директор Академии Горгулий. И, при всем уважении, это мой кабинет.

Пришла очередь Колта удивленно поднимать брови и испытывать замешательство, которое определенно нельзя было назвать легким.

— Вас разве не предупредили о том, что я приеду сегодня? — По губам Блор скользнула усмешка. — Впрочем, меня это не удивляет. Судя по тому, какой бардак царит в этом кабинете, в делах академии должен быть примерно такой же.

— Бардак? — оскорбленно переспросил Колт, скользя взглядом по распотрошенным папкам и стопкам журналов, завалившим весь огромный письменный стол. Поместилось явно не все, поскольку оба кресла — его собственное и предназначавшееся посетителям — тоже были заняты. — До вашего появления здесь никакого бардака не было. Откуда вы взялись на мою голову?

— Из столицы. Приехала рано утром. И под бардаком я подразумеваю абсолютно бессистемное размещение рабочих документов. Как вы умудряетесь здесь что-нибудь находить?

— Легко и непринужденно. Потому что в документах есть система. Ну... или была, пока вы все не перепутали.

Он снова посмотрел на бумажный развал и тоскливо вздохнул. Сколько же времени понадобится теперь, чтобы разложить все по местам?

— Серьезно? — нахалка демонстративно рассмеялась. — Да половине этих папок и журналов давно пора быть в архиве. Не понимаю, что они до сих пор здесь делают.

— Раз они все еще здесь, значит, так нужно! Немедленно прекратите путать все!